

Глава 1. Побег

Куньлунь в марте — это время, когда зимние снега только-только начинают неохотно подтаивать.

В расщелинах мрачных скал и тёмных утёсов едва слышно разносился чистый перезвон медных колокольчиков.

Чжао Шо вел за руку маленького мальчика. Они стремительно спускались со склонов горы Цинмин, пока не вышли на бескрайнюю снежную равнину. Наконец мужчина остановился.

— Здесь и проходит Граница Белого моря, — глухо произнёс он.

Малыш, едва достававший Чжао Шо до пояса, вцепился пальчиками в полу его длинного халата. В его глазах, круглых и испуганных, дрожали крупные слёзы.

— Отец... ты что, бросаешь меня?

Чжао Шо резко взмахнул широким рукавом, отворачиваясь, и гневно оборвал его:

— Паршивец! В тебе нет ни капли величия, подобающего главе культа!

Мальчик обессиленно опустился прямо в холодный сугроб и разрыдался в голос:

— Да какой из меня глава культа?! Не хочу я им быть! Папа, скажи, я опять напроказничал? Опять тебя рассердил?

Этого мальчика звали Цзинь Линьэр. Он был единственным сыном Чжао Шо, владыки Культа Золотого света, и Сюэ Линъюнь, дочери главы школы Хуашань Сюэ Чжэньяна.

Восемь лет назад Сюэ Линъюнь, затаив на мужа глубокую обиду, ушла от него, будучи беременной. В те времена Культ Золотого света пользовался в Поднебесной дурной славой — праведные ортодоксы клеймили его Дьявольским культом. Опасаясь мести врагов, женщина родила втайне и не дала сыну фамилию ни отца, ни матери. Она назвала его Цзинь Линьэр, надеясь, что благословение священного зверя-цилиндя убережёт дитя от невзгод и подарит ему спокойную жизнь. Долгое время они скитались по свету, но два года назад Линъюнь тяжело заболела и, предчувствуя скорую кончину, была вынуждена отправить сына на гору Цинмин.

Линьэр унаследовал от матери не только тонкие черты лица, но и её добрый, пытливый ум.

Сегодня отец внезапно призвал его на Утёс Кленового дерева, чтобы передать свои силы, а

затем спешно увёл прочь с горы. Чжао Шо ничего не объяснял, но мальчик и без слов понимал: стряслась беда. Отец был облачён в церемониальный багрово-чёрный парчовый халат, самого же Линьэра снарядил как простого охотника — натянул на него глубокий капюшон, плотно завязал шарф и повесил на грудь небольшой узелок с вещами. Мальчик предчувствовал, что впереди его ждут лишь бесконечные, одинокие скитания.

Тяжесть надвигающейся грозы оказалась непосильной для восьмилетнего ребёнка. Он плакал взахлёб, не в силах остановиться.

Лицо Чжао Шо оставалось ледяной маской.

— Я передал тебе Золотую печать, — отрезал он. — Отныне ты — глава культа.

— Папа, я же знаю... — сквозь рыдания лепетал Линьэр, обнимая отца за колени. — Когда мы с мамой скитались, ты всегда тайно оберегал нас. Только поэтому нам жилось так легко и беззаботно. Мама уже давно на тебя не сердилась. Перед смертью она просила меня заботиться о тебе! Сейчас у тебя неприятности, как я могу сбежать и бросить тебя одного? Я не знаю, что такое эта печать, мне не нужен культ! Мне нужен только ты! Папа, умоляю, не прогоняй меня...

Чжао Шо смотрел с едва заметно покрасневшими глазами, но упрямо держал лицо.

— Запомни, сын, — его голос прозвучал низко и сурово. — Мужчины из рода Чжао могут обратиться в прах, но никогда не склонят головы перед врагом. Вытри слёзы. С этого дня ты больше ни у кого ничего не будешь просить.

— У тебя глаза вспотели. Ты врёшь, — Линьэр поднял на него круглые, блестящие от слёз глаза. Он всматривался в лицо отца, стараясь навечно запечатлеть его в памяти. На ресницах Чжао Шо действительно дрожала прозрачная капля, похожая на застывшую росинку на сосновой игле. Мальчик понял, что отец плачет, но не посмел сказать это вслух — он просто не мог поверить, что этот грозный человек способен на слабость.

«Неужели ты думаешь, что мне легко тебя отпускать?» — эта мысль обожгла Чжао Шо изнутри. Мальчик стоял перед ним — такой хрупкий, чистый и беззащитный в своей скорби. Чжао Шо чувствовал, как его собственное сердце разрывается на части. Каменная броня безразличия дала трещину. Не выдержав, он крепко прижал сына к себе. Его грудь тяжело, прерывисто вздымалась.

Линьэр доверчиво шмыгнул носом и тихо спросил:

— Папа, а может, мне просто пойти и поговорить с ними? Объяснить всё по-хорошему?

Чжао Шо не ответил.

Прошло немало времени, прежде чем Чжао Шо нашёл в себе силы отстраниться. Он мягко, но решительно оттолкнул мальчика и указал на сиротливо стоявшую неподалёку ветхую бревенчатую избушку.

— Там живёт Защитник Золотой печати, старейшина Сунь Цинфэн. Ступай к нему. Назови его старшим и будь предельно почтителен.

Линьэр медленно побрёл вперёд. Он постоянно оборачивался, боясь, что стоит ему отвести взгляд — и отец исчезнет в снежной круговерти.

На белом покрывале осталась цепочка неровных следов. Чжао Шо посмотрел на них: эти отпечатки были меньше его собственной ладони.

Снежная пустыня казалась бескрайним, застывшим океаном.

Прямо посреди этого безмолвия зияла бесконечная расщелина, уходящая за горизонт. Возле неё возвышалась каменная стела с высеченной надписью: «Граница Белого моря». Этот исполинский рубеж разделял два мира: к северу лежали земли дикого племени Гуйфан, к югу — пределы государства Юн.

Война между ними не утихала уже более трёх столетий. Здесь, на берегах Байхая, армии сходились в кровавых сечах, и под вечными льдами покоились бесчисленные кости павших воинов.

В этих проклятых, леденящих душу краях не выживало ничто живое. Никому и в голову не могло прийти, что величайший и самый загадочный Защитник Золотой печати Культа Золотого света предпочёл скрыться от мира именно здесь, у самой бездны.

Линьэр робко постучал в хлипкую дверь.

— Простите за беспокойство... Старейшина Сунь дома?

Бум!

Дверь распахнулась изнутри с таким шумом, словно её сорвало ураганом. Наружу вырвался поток ледяного воздуха, подняв облако снежной пыли и старой сажки.

Из полумрака хижины неторопливо вышел мужчина.

У него были точёные, словно высеченные из камня черты лица и пронзительный взгляд из-под резких бровей. Высокий, статный, даже в простой синей робе грубого холста он держался с той непреклонной, дикой грацией, какая бывает лишь у закалённых в боях воинов. Однако кожа

его отливала нездоровой, синеватой бледностью, а на лице лежала печать глубокой, застарелой тоски. Казалось, в его жилах давно застыла кровь, а сам он покрылся невидимой ледяной коркой. Сложно было поверить, что этот измученный человек и есть тот самый легендарный Защитник Золотой печати Сунь.

Линьэру в глаза запорошило пылью. Кое-как проморгавшись сквозь кружащуюся серую взвесь, он встретился взглядом с хозяином дома и невольно отпрянул — столько глухой скорби читалось в этих глазах.

Но ещё больше мальчика поразило то, насколько молодым выглядел человек, которого сам великий Чжао Шо уважительно назвал «старейшиной». «Неужто он бессмертный небожитель?» — подумал Линьэр и, боясь ошибиться, несмело спросил:

— Вы... старейшина Сунь?

Сунь Цинфэн едва удостоил мальчика взглядом. Окинув холодным взглядом его фигуру и заметив в чистых детских зрачках собственное потрёпанное отражение, он нахмурился. Проигнорировав вопрос ребёнка, воин шагнул мимо него к Чжао Шо.

— Какими судьбами, брат Чжао? — глухо спросил он.

Чжао Шо поклонился с глубоким почтением.

— Я передал Золотую печать Линьэру. Отныне он — шестой Хранитель печати рода Чжао и глава Культа Золотого света. Надвигается катастрофа. Забери его и уходи. Умоляю, сбереги ему жизнь.

Сунь Цинфэн изумлённо вскинул брови:

— Да сколько ему лет?!

Чжао Шо притянул мальчика к себе и ответил:

— Он родился в праздник Фонарей, на пятнадцатый день первого месяца. Скоро пойдёт десятый год.

— Ему всего восемь, — холодно хмыкнул воин. — На том свете лишние годы не пригодятся. К чему эти глупые условности?

— Мальчик рос вдали от мирской суеты и мало что понимает в жизни, но он смыслённый и послушный. Он не доставит тебе хлопот. Если оступится по незнанию — не суди строго, — Чжао Шо бережно отвёл назад мягкую чёлку сына, открывая взору Сунь Цинфэна лоб

мальчика. В самом центре, между бровей, золотились два крошечных пятнышка, похожих на лепестки дикой сливы. — С этого мгновения ваши жизни связаны воедино. Его боль — твоя боль, его смерть — твоя смерть.

Линьэр всегда считал, что Золотая печать — это тяжёлый металлический штамп, расшитый узорами. Он и подумать не мог, что сокровище окажется бесплотной, таинственной силой, которая теперь дремала где-то у него в груди. Он не понимал, что это сулит ему в будущем.

Ему было лишь невыразимо страшно под этим колючим взглядом Сунь Цинфэна. Мальчик чувствовал, как между ними протянулась невидимая, но прочная нить, сшивающая их судьбы на уровне плоти, крови и самой души.

Сунь Цинфэн перевёл взгляд на Чжао Шо. В его глазах отразилось искреннее недоумение.

— Ты совершенствовал Божественное искусство Золотого облика. Вся твоя духовная сила держалась на печати. Теперь, когда ты отдал её, ты слаб и беззащитен, как младенец. Что ты сможешь сделать один?

— Мой меч всё ещё при мне, — спокойно ответил Чжао Шо. — Всякий сброд мне не помеха.

— Брат Чжао, ты за всю жизнь лишь однажды покидал пределы Белого моря. Откуда у тебя могли взяться такие враги? Наверняка это просто алчные глупцы, прослышавшие о печати. Отдай её им! Пусть подавятся и поймут, что это сокровище приносит лишь проклятие. Пережди грозу, наберись сил. Зачем идти на верную смерть ради кучки идиотов?

Чжао Шо печально покачал головой:

— В этот раз Альянс боевых искусств пришёл не сам по себе. За их спинами стоит императорский двор.

— Кто именно из столичных вельмож? — равнодушно спросил воин. — Смелые ребята, ничего не скажешь.

— Тайна Золотой печати ведома лишь тебе да Хранителям печати рода Чжао. Ну и правящему императору, разумеется. Кто ещё, кроме него, мог направить сюда этих праведников? Я не боюсь смерти. Но если печать попадёт не в те руки, её сокрытая мощь вырвется наружу. Твоя Призрачная злоба пробудится, и тогда вся Поднебесная утонет в крови. Этого нельзя допустить.

— Позволь мне помочь тебе. Прорубим дорогу вместе?

— Нет. Не нужно множить невинные жертвы.

Линьэр был слишком мал, да и отец никогда не позволял ему совать нос в дела культа. Разговоры взрослых быстро наскучили мальчику, и его внимание переключилось на сидевшего рядом воина. Присмотревшись к бледной, похожей на холодный нефрит коже Сунь Цинфэна, Линьэр не выдержал и из чистого любопытства легонько ущипнул его за палец.

Пальчики ребёнка были мягкими и тёплыми. Сунь Цинфэн, привыкший к одиночеству и не знавший человеческого тепла на протяжении многих лет, вздрогнул от этого прикосновения, словно от удара молнии.

Он мгновенно сжал кулак и ожёг мальчика звериным взглядом, обнажив зубы, будто дикий волк. Линьэр испуганно сжался.

Повернувшись к Чжао Шо, Сунь Цинфэн резко произнёс:

— До конца нашего Двухсотлетнего уговора осталось всего четырнадцать лет. Тогда явится Тот человек, заберёт печать, и эта проклятая связь наконец разорвётся. Твой сын слишком мал. Тебе не следовало передавать ему это бремя.

— У меня не было выбора. Печать должна оставаться в безопасности, — Чжао Шо ласково коснулся макушки сына, и в его глазах промелькнула глубокая, щемящая нежность. — И ещё... у меня есть тайный умысел. В Лощине Абрикосового цвета я оставил для вас кое-что. Когда всё утихнет, отправляйтесь туда. Возможно, там вы обретёте новую судьбу.

Сунь Цинфэн легко, одним движением подхватил Линьэра на руки и бросил:

— А если никакой новой судьбы не будет?

Чжао Шо громко, раскатисто рассмеялся:

— И пусть! Наша жизнь принадлежит нам, а не небу!

— Пусти! Я не пойду! — отчаянно завопил Линьэр, колотя кулачками по крепкому плечу воина.

Чжао Шо сделал два быстрых шага вперёд. Он поймал личико сына ладонями, заставляя посмотреть себе в глаза. В его горле застряли тысячи ласковых, нежных слов, но он упрямо сглотнул их, оставив лишь сухой приказ:

— Старейшина Сунь — человек великой чести. Отныне почитай его как родного отца.

— Папа, нет! Я хочу остаться! Хочу умереть с тобой! — надрывался мальчик. Слёзы катились по его щекам сплошным потоком.

Горячие капли падали на холодный снег, протапливая в нём крошечные лунки, но они были бессильны перед жестокой волей судьбы.

Чжао Шо едва заметно шевельнул губами:

— Я никогда тебя не бросал.

— Папа!..

Хватка Сунь Цинфэна была подобна железным тискам. Как бы мальчик ни извивался, воин даже не шевельнулся.

Вскоре силы покинули Линьэра. Он затих, уткнувшись мокрым носом в плечо своего нового защитника, лишь изредка прерывисто вздыхая и икая от пережитого потрясения. Слезы застилали взор. Бескрайние снега Байхая, зловещая расщелина на границе миров и одинокая фигура отца медленно тонули в белой пелене бурана, пока окончательно не растворились вдали.

Ветер завывал всё яростнее. Сегодня на Границе Белого моря было необычайнолюдно.

Не прошло и четверти часа, как Сунь Цинфэн уловил в гуле метели глухой, нарастающий гул конских копыт. Враги были близко. Воин остановился, выхватил меч и, не колеблясь ни мгновения, резко полоснул себя по запястью.

Линьэр испуганно округлил глаза:

— Старейшина Сунь, что вы делаете?!

— Помолчи. И зови меня отцом, — коротко бросил тот.

Мальчик с удивлением заметил, что рана на руке воина глубока — видна была кость, — однако из неё вытекло лишь несколько тёмных капель. Не успел он обдумать это странное зрелище, как сквозь белую мглу с южной стороны вынырнула кавалькада всадников.

— Глядите! Здесь выродки из дьявольского культа! — раздался зычный крик.

Земля задрожала под копытами коней. Впереди летел всадник с массивным палахом наголо. Он резко осадил лошадь прямо перед Сунь Цинфэном, направив остриё ему в грудь.

Линьэр мельком глянул на лицо своего спутника. Тот неуклюже пытался изобразить на лице смертный испуг, но суровому воину это давалось с трудом. Быстро сообразив, к чему была

разыграна сцена с порезанным запястьем, мальчик мгновенно сориентировался и заголосил во всё горло:

— Папочка! Мы только-только спаслись из этого проклятого логова, неужто опять к душегубам в лапы угодили?! Да сколько же на свете этих кровопийц?!

Сунь Цинфэн мысленно перевёл дух и поспешно подыграл:

— Замолчи, негодник! Не накликай беду!

В Поднебесной ходили жуткие слухи, будто глава Культа Золотого света Чжао Шо практикует тёмные искусства и пьёт человеческую кровь, для чего его приспешники крадут мирных жителей и держат их на горе Цинмин как скот для кровопускания. Из-за этого орден и прозвали дьявольским культом.

Но Линьэр собственными глазами видел, как отец пил кровь. Ни один из тех, кого называли «живым кормом», не был простым крестьянином, и никто от этого не умирал. Члены культа отдавали свою кровь добровольно, веря в великое предназначение. Культ никогда не обижал невинных.

Всадник, возмнив себя спасителем несчастных пленников, довольно ухмыльнулся:

— Хех, видать, обычные охотники, которых эти черти держали ради забавы. Ну-ка, отвечай, мил человек, где дорога на гору Цинмин?

Линьэр хитро прищурился и выпалил:

— Да вестимо где, на севе...

— На востоке, — властно перебил его Сунь Цинфэн, указывая рукой вглубь заснеженной равнины. — Там, среди чёрных скал, стоит их крепость.

Предводитель всадников переглянулся со своими людьми. Проявляя осторожность, он с силой опустил плетёнку на снег, подняв холодные брызги, и пригрозил:

— Веди нас туда. Но учти: если вздумаешь петлять или обманешь — я с тебя живьём шкуру спущу!

Сунь Цинфэн молча кивнул и двинулся вперёд.

Линьэр крепче обнял воина за шею и скользнул взглядом по его ногам. На Сунь Цинфэне были

лишь старые, потрёпанные кожаные сапоги, давно насквозь промокшие от ледяной жижи. «Как же ему, должно быть, холодно», — подумал мальчик. К тому же он понимал, что отец сейчас, скорее всего, только поднимается обратно к цитадели. Спасти его Линьэр не мог, но в его силах было выиграть немного времени, чтобы защитники крепости успели подготовиться к бою.

Мальчик принял решение. Он сжал кулачки, легонько постучал Сунь Цинфэна по плечу, призывая того остановиться, и звонко крикнул всаднику:

— Пойдите!

— Ты чего несёшь, малец? Жить надоело? — едва слышно прошипел сквозь зубы воин.

Но Линьэр, не обращая внимания на его ворчание, бесстрашно уставился на предводителя отряда:

— Вы ведь из Альянса боевых искусств, верно?

Мужчина самодовольно хмыкнул:

— Надо же, такой клоп, а про Альянс слышал.

— Люди говорят, что в Альянсе состоят только благородные и справедливые герои Поднебесной!

— Истинная правда, малец.

— Тогда почему вы ведёте себя точь-в-точь как те дьяволы с горы?

Предводитель мгновенно помрачнел:

— Что ты сказал?!

Линьэр гордо вскинул подбородок:

— Мой папа еле вырвался из плена, он весь изранен и едва на ногах держится! А вы заставляете его пешком вести вас по колено в снегу на крутую гору. Он же замёрзнет насмерть по дороге! Если вы настоящие герои, уступите ему коня!

Сунь Цинфэн ошеломлённо покосился на ребёнка, словно тот сошёл с ума.

Всадник вскипел от такой наглости. Он с силой выдернул палаш из ножен:

— С какой стати благородный воин должен делить коня с вонючим оборванцем?! А ну закрой рот, щенок, не то я решу, что вы сами из этих дьяволопоклонников, и прирежу обоих прямо здесь!

<http://bllate.org/book/18425/1765917>